

7. Френкин, М. Русская армия и революция 1917–1918. – Мюнхен: LOGOS, 1978. – 750 с.
8. Bagiński, H. Wojsko Polskie na Wschodzie, 1914–1920. – Warszawa, 1921. – 598 + IX s.
9. Bednarski, W. Legion Puławski // Wojskowy Przegląd Historyczny. – 1988. – № 3. – S. 100–124.
10. Centralne Archiwum Wojskowe, Warszawa, dział "Formacje Wschodnie" (I.122).
11. Centralne Archiwum Wojskowe, Warszawa, dział "Rękopisy" (I.400).
12. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. – T. 1. Marzec 1917 – listopad 1918. – 611 s.
13. Dowbór-Muśnicki, J. Wspomnienia. – Warszawa: Bellona, 2003. – 510 s.
14. Wrzosek, M. Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917–1918. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1969. – 366 s.
15. Wrzosek, M. Wojskowa misja pełnomocnika Rady Regencyjnej Władysława Raczkiewicza w 1918 roku // Polska i Polacy. Studia z dziejów polskiej myśli i kultury politycznej XIX i XX wieku. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2001. – S. 525–543.

УДК 94 «1914/1918»

БОСАК В.Н., БАСОВ С.В. Брест

БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С 1886 г. Беловежская пуца находилась в составе удельных имений российских императоров. Периодически в лесах пуцы проводилось лесоустройство, осуществлялся учет диких зверей. Царские охоты, отдельные из которых подробно и красочно описал Г. Карцов [1], в начале XX века проводились регулярно с периодичностью раз в 3 года. Лишь в 1909 г., по причине массовой гибели диких животных в суровую многоснежную зиму 1908 г., царскую охоту отменили. Браконьерство в Пуце хотя и случалось, но носило эпизодический характер, поскольку осуществлялся строгий контроль со стороны администрации. А штрафы за убийство зубра по размерам были сопоставимы со стоимостью крестьянского подворья со всеми постройками и имуществом.

Спокойный ход событий начала XX в. нарушила Первая мировая война. До ее начала все хозяйство Беловежской пуцы функционировало в обычном режиме, но с приближением фронта российскими властями было принято решение о закрытии музея и эвакуации имущества императорского охотничьего дворца в глубь России. 7 августа 1915 г. все имущество, в т.ч. бронзовый бюст Александра II, каменный обелиск, воздвигнутый в честь польского короля и великого князя литовского Августа III и чугунная статуя зубра (в честь охоты российского императора Александра II), было упаковано и отправлено со станции Беловеж в Москву.

По решению стремительно отступающих российских военных властей было эвакуировано и большинство жителей Беловежской пуцы. Покинутые деревни сжигались русскими казаками. Самым известным местом кровопролитных боев в окрестностях Пуцы считается район д. Чернаки. Именно здесь находился мост через р. Лесная Правая, и за эту переправу неоднократно происходили стычки между воюющими сторонами. Впрочем, в той или иной степени понесли потери и другие населенные пункты. Но особенно пострадал лес.

Беловежская пуца оказалась в зоне немецкой оккупации. 15 августа 1915 г. штаб оккупантов под командованием Г. Эшериха разместился непосредственно в Беловеже.

На протяжении почти 2-х месяцев основной целью передвигавшихся через Пуцу немецких войск была заготовка как можно большего количества мяса для армии. В результате, солдаты вели массовый отстрел зверей, в т.ч. и зубров. Даже газеты того времени печатали заметки о встречах зубров с немецкими армейскими колоннами. Позже, правда, в армии были распространены приказы, запрещающие отстрел зубров.

Несмотря на развал экономики и обнищание населения, немцы взяли курс на максимальную хозяйственную эксплуатацию края. Причем самым лакомым объектом эксплуатации для Германии – традиционного экспортера белорусской древесины – стали леса, среди которых особенно притягивала их Беловежская пуца. Ее стоимость оценивалась немцами в колоссальную по тем временам сумму – 700-800 млн. марок [2]. Сразу же после захвата Пуцы немцы приступили к эксплуатации ее богатств.

Оккупационные власти почти сразу начали массовое выселение жителей пуцанских хуторов и сел. Та же участь постигла и жителей Беловежи: большинство из них было согнано с обжитых земель, а центральная часть поселка Сточек – сожжена. На этой территории немцы построили в срочном порядке

бараки и организовали концентрационные лагеря для содержания пленных русских и французских солдат.

Затем, развивая лесозэксплуатацию, для удобства вывоза древесины из лесу по всей пушке оккупанты проложили около 300 км узкоколеек (их следы местами сохранились до наших дней), построили 6 лесопильных заводов: в Гайновке – самый мощный (на 10 пилорам), Чарленце (3 пилорамы), Грудках (4 пилорамы), Новом Месте (2 пилорамы), Сточке (4 пилорамы), Малой Наревке (1 пилорама), а также деревообрабатывающую фабрику и ряд других мелких производств. Фирмой «Шеринг» в Гайновке была построена также крупнейшая в Европе фабрика сухой дистилляции древесины. В 128 ее ретортах перерабатывалось до 300 тыс. складометров древесины лиственных пород в год, еще около 150 тыс. складометров шло на отопление самой фабрики. Параллельно для химической переработки древесины работало 7 смолокурных печей [2].

Все это было построено в рекордные сроки (20 мес.) и в основном руками пленных русских и французских солдат. Возникновение промышленности в Гайновке сразу же подняло небольшую деревеньку до уровня промышленного населенного пункта. Многие из вышеуказанных производств модернизированы и продолжают работать по сей день.

Однако порядок в лесу отсутствовал. Места вырубок захламлялись, большое количество заготовленной древесины оставалось невывезенным, что привело к критической фитопатогенной ситуации, особенно массовому размножению короедов-вредителей. Всего вырубленной, но невывезенной древесины после немцев осталось около 300 тыс. м³ [2]. В результате, оккупантами было уничтожено около 5 760 га леса, главным образом вблизи железнодорожной станции Гайновка, а также вдоль узкоколейки, построенной ими непосредственно в лесу. Вырубкой было охвачено около 6% территории Беловежской пушки. Было вырублено почти 1 млн м³ древесины. После таких вырубок на лесосеках оставалось около 5-10% деревьев, непригодных для промышленного использования. Вырубался и вывозился из Пушки самый ценный, великовозрастной лес. За 2,5 года в Германию вывезли более 4,5 млн. м³ ценной древесины, почти столько же, сколько за все XIX столетие (5 млн. м³) [2]. Это позволило компенсировать не только 12 млн. марок, потраченных на строительство, но и получить прибыль в размере 5 млн. марок.

Но, справедливости ради, следует отметить, что немецкие оккупанты не оставались равнодушными к уникальной природной красоте реликтового леса. После полугодового хозяйствования они изменили свое отношение к Пушке. Проводя активную рубку леса, а также отстрел диких животных, немцы одновременно взяли Пушку под тщательную охрану и дважды командировали туда известного во всем мире природозащитника Г. Конвенца. Цель посещения Пушки у него была одна: организовать здесь «Парк дикой природы», который не имел бы аналогов в Европе. Ученый выбрал место для строительства парка неподалеку от бывшего царского охотничьего дворца в Беловеже [3].

В период оккупации Беловежскую пушку посетили известные немецкие ученые (Е. Вайт, Х. Грубер, К. Эшерих и др.), которые провели в ней ряд фундаментальных исследований. Их результаты были опубликованы в Берлине в 1918-1919 гг. в 5 небольших изданиях под общим названием «Беловежа под немецким управлением», а также в отдельных статьях. Кроме того, в разных уголках Пушки немцами была собрана большая коллекция пернатых. Все они были описаны и выставлены на стендах организованного в царском дворце музея природы [3].

Постепенно у оккупационных властей изменились отношения и к уцелевшим от хаотичных охот зубрам. Немцы даже привезли из Баварии группу специальных охранников, которые ранее специализировались на борьбе с браконьерством в Германии. Это позволило сократить браконьерство в Пушке, но было уже поздно. Если на начало Первой мировой войны в Пушке насчитывалось 727 зубров, то, по данным немецкого советника лесного хозяйства Г. Эшериха, в 1916 г. в пушанских лесах осталось не более 200 зубров, а в марте 1917 г., согласно сообщению профессора Г. Рорига, 121 зубр [3].

Интенсивно эксплуатировалась немцами и территория дворцового парка в Беловеже. В здании бывшего гаража был устроен кинозал, в павильоне – сначала полевой госпиталь, а несколько позже – казино для офицеров. В Беловежской женской гимназии разместили почту, в маршалковском доме – солдатский клуб. Для обеспечения солдат продовольствием на полях в окрестностях местечка Подольяны выращивались зерновые и картофель.

Но 11 ноября 1918 г. Первая мировая война закончилась поражением Германии и ее союзников. В результате, 22 декабря 1918 г. немцы оставили территорию Пушки, где еще оставалось около 180 зубров, которые были позже истреблены браконьерами и прятавшимися в лесах дезертирами.

Первая мировая война покинула глубокий след в природной экосистеме Беловежской пушчи. В дополнение к оккупационному режиму, во время которого максимально активизировалась хозяйственная эксплуатация Пушчи, местное население, пользуясь ситуацией, рубило лес, занималось браконьерством, нанося этим самым огромный вред заповедному лесу. Истреблялось зверье: убивались или вывозились в Германию зубры, были истреблены лани, резко сократилась численность лосей и косуль. Сохранилось всего несколько десятков оленей и кабанов. В лесах Пушчи появилось множество волков и рысей. Не меньший вред был нанесен и хозяйству жителей региона Пушчи.

Литература

1. Карцов, Г. Беловежская пуца. 1382-1902. – С.-Пб., 1903. – 295 с.
2. Семаков, В.В. Беловежская пуца. 1902-2002. – Мн., 2002. – 232 с.
3. *Гісторыя Беларусі*: у 5 т. – Мн., 2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі.

УДК 623.459

БАСОВ С.В., Брест, ГНАТЮК С.П., Санкт-Петербург

ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ГАЗОБАЛЛОННЫЕ АТАКИ 1916 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ – КРЕВО, СМОРГОНЬ, БАРАНОВИЧИ

Применение отравляющих веществ в качестве химического оружия в Первой мировой войне, ужасы ипритных и фосгенных поражений вызвали протест мировой общественности. После окончания войны по Версальскому мирному договору Германии и ее военным союзникам были запрещены исследования, разработка и принятие на вооружение боевых отравляющих веществ. Несмотря на это, лицемерно осуждая химические средства ведения войны, в Германии и других государствах тайно продолжались исследования и испытания новых видов отравляющих веществ и методов их военного применения [1,3].

Общие потери от химического оружия в Первую мировую войну оцениваются в 1,3 миллиона человек, в том числе до 100 тысяч человек со смертельным исходом [1].

Согласно данным, представленным в [1], в годы Первой мировой войны было произведено 180 тыс. т разнообразных отравляющих химических веществ, из которых применено около 125 тыс. т. Боевую проверку прошли не менее 45 различных отдельных веществ и смесей, среди них 4 кожно-нарывного, 14 удушающего и по крайней мере 27 раздражающего действия.

История военного применения химического оружия начала свой отсчет с 17 часов 22 апреля 1915 г. на Западном фронте в Бельгии: вдоль реки Ипр между населенными пунктами Биксшуте и Лангермарк немецкие войска на фронте 6 км выпустили из 5730 баллонов за 5-8 мин 180 т хлора. В результате газовой атаки было отравлено 15 тысяч человек, из которых свыше 5 тысяч умерли на поле боя, а половина оставшихся в живых стали инвалидами.

В последующих газобаллонных атаках применялись как хлор, так и смеси хлора с удушающим веществом фосгеном (обычно 25% фосгена, но иногда в летнее время доля фосгена достигала 75%).

Всего с апреля 1915 г. по ноябрь 1918 г. состоялось более 50 немецких газобаллонных атак. В этот же период против немецких войск было произведено около 150 английских и 20 французских газопусков [1].

Уникальной попыткой исторического исследования оперативного и тактического применения химического оружия на фронтах Первой мировой войны 1914-1918 гг. является книга Александра Николаевича Де-Лазари [2]. Автор использовал малодоступные исторические материалы русской армии, находящиеся в Военно-историческом архиве, а также многочисленные иностранные источники, не появлявшиеся в печати на русском языке. Эта книга впервые была издана ограниченным тиражом в 1935 году, однако после гибели ее автора в 1942 г. была изъята из открытых фондов библиотек, и поэтому современному читателю до недавнего времени была практически недоступна. Автор книги – А.Н. Де-Лазари (12.09.1880–23.02.1942), потомственный военный, прошедший путь от кадета до генерал-майора (1940), окончил Тифлисский кадетский корпус, Сибирский кадетский корпус, Константиновское артил-

